

Северное Бюро Краеведения.

Н. В. Фалин.

ВОЛОГОДСКАЯ КРЕПОСТЬ В XVII веке.

На правах рукописи.

Авторские отписки статьи
из № 1(5) журн. „Север“.

ВОЛОГДА.

1924.

Вологодская крепость в XVII веке.

(Ее территория и описание укреплений).

Н. В. Фалин.

„Предки наши устраивали укрепленные лагеря и ворота (в них) для различных надобностей войска, откуда можно было бы выходить в бой и где можно было бы найти убежище в случае проигрыша сражения“ (Лив.).

„Величине городов не мало будет способствовать, если они будут защищены против всякого нападения врагов рвом, валом и стенами“.¹⁾

„Что на славной реке Вологде,
Во Насоне было городе,
Где доселе было—грозный царь
Основать хотел престольный град
Для сво-ли для величества
И для царского могущества;
Укрепил стеной град каменной
Со высокими со башнями,
С неприступными бойницами“...

(Из старинной легенды о Грозном).²⁾

В работах различных авторов, писавших о городе Вологде, так, напр. у А. А. Засецкого, Н. И. Суворова³⁾, И. К. Степановского⁴⁾, С. Непейна, И. Евдокимова и др. приходится читать, что гор. Вологда когда то был укрепленным пунктом, что тут некогда существовала даже крепость. Самый старый автор А. А. Засецкий, который еще сам видел остатки крепости и которого цитируют все другие авторы, говорит об этом предмете следующее: „Город (Вологда)... состоит..., имея селениями на обеих сторонах реки Вологды, и оныя по течению город

¹⁾ Обе цитаты взяты из сочин. Гипполита: „Рост городов или о причинах величины городов“. Ганн. 1600 г. Глава 6, стр. 30 „о хорошо укрепленных городах“. На лат. яз.

²⁾ По словам Н. И. Суворова (см. его работу: „К истории г. Вологды“) легенда о постройке в г. Вологде Грозным крепости была доставлена в 1842 году П. И. Савваитовым редактору журнала „Москвитянин“ М. П. Погодину и в том же году напечатана в № 8 означенного журнала.

³⁾ Вологда в начале XVIII столетия. Очерк Н. Суворова. Пам. кн. Вологодской губ. 1861 г., стр. 16—22.

⁴⁾ Вологодская старина. Ист.-арх. сборн. Сост. И. К. Степановский. Вологда-1890 г., стр. 287—294, 296.

на правой стороне и по большим развалинам и воротам видимо бывшей каменной замок, которого с восточной и западной сторон бывала стена каменная с башнями и огромными от речки Золотухи, двоими чрез некое расстояние воротами, кои хотя обветшав, но и по сие время еще не совсем развалились; а от полудни была рублена стена ж и с башнями деревянная, которая по давности от времени совсем погнила и упразднилась. С Северной же стороны от реки Вологды земляной вал... а кругом оных стен имеются выкопанные каналы, и как видимо, позавалились и засорились, которые соединяются с рекою Вологдою и с копаною речкою Золотухою... а означенной крепости окружность имеет почти квадратную меру около 4 верст¹⁾.

В описаниях путешествий различных иностранцев, путешествие вавших по России в XVI—XVII веках, преимущественно англичан встречаются также места, где говорится о Вологодской крепости.

В работах, же местных историков²⁾, о которых упомянуто в начале, встречаются и некоторые подробности относительно устройства и расположения этой крепости, а также указание на то, что по летописи Слободского и другим летописным данным каменную крепость начал строить в Вологде Грозный, преследуя какие-то свои цели стратегического, а может быть и политического характера. Старинная легенда, некоторые слова которой приведены выше в качестве эпиграфа, говорит также, что Грозный начал было строить в Вологде крепость („град каменный“) и почти окончил постройкою Соборную церковь, но упавшая во время осмотра царем собора ему на голову „плинфа красная“ (кирпич)—была сочтена Грозным за дурное предзнаменование: он покинул Вологду, бросив начатые в ней постройки, и более уже не дарил этот город своим вниманием.

По данным той же летописи Слободского причиной оставления Грозным Вологды было развитие какой то губительной эпидемии, жертвой которой опасался стать мнительный царь. Относящиеся сюда места летописи Слободского таковы:

„Лета 7073 (т. е. в 1565 году) Великий Государь царь и Великий Князь Иван Васильевич в бытность свою на Вологде повелел ры копать и свай уготавлиать, и место очистить, где быть градским стенам каменного здания“³⁾.

„Лета 7074 (в 1566 году) на Вологде при себе Великий Государь царь и великий Князь Иван Васильевич повелел заложить град каменный, и его великого Государя повелением заложен град месяца апреля в 28 день, на память святых апостолов Ассона (Иассона) и Сосипатра“.

„Лета 7077 (в 1569 году), великий Государь царь Иван Васильевич повелел копать Шограш, Содемку и Золотуху реки“.

„Лета 7079 (в 1571 году, прииде на Русь Крымской Хан и град Москву пожег, а царь Государь был тогда на Вологде и помышляше в поморские страны и того ради строены ладьи и другия суда многие к путному шествию“.

¹⁾ А. А. Засецкий. Историч. и топограф. известия о Вологде. 1782 г., стр. 57.

²⁾ См. об этом еще у И. В. Евдокимова. Памятники жудож. культуры н: севере. Вып. II. стр. 10. 80—81. Вологда 1922 г.

³⁾ По иному летописцу значится пришествие царя на Вологду в 7077 (1569) год: (по А. А. Засецкому).

„Того же году был на Вологде мор великий, и того ради великий Государь изволил итти в царствующий град Москву, и тогда Вологды строение преста“.

Все авторы, более подробно останавливающиеся на описании крепости, говорят единогласно, что линия крепостной ограды шла от устья р. Золотухи по левому ее берегу, доходила до Винтеровского моста, откуда поворачивала направо, по бульвару, доходила до угла бульвара с Петроградской улицей и поворачивала здесь к реке Вологде, выходила на Соборную Горку, откуда опять поворачивала по берегу р. Вологды к своему исходному пункту.

А. А. Засецкий, а за ним и другие авторы, писавшие о Вологде в XIX веке и в наше время, говорили также, что каменные стены шли по Золотухе и Петроградской улице, с южной стороны стена была, по их словам, деревянная, а по берегу Вологды шел земляной вал. Некоторые авторы, как я уже указывал выше, говорят даже об отдельных башнях крепостной ограды, но указания авторов по этому вопросу между собой расходятся. Более подробные указания на расположение крепостной ограды и ее устройство можно почерпнуть из писцовой книги 1627 года, вернее копии ее, или так называемой сотной грамоты, изданной в 1904 году по списку А. Е. Мерцалова председателем Вологодской Постоянной комиссии любителей истории и древности И. Н. Суворовым¹⁾. К сожалению, самый оригинал, с которого А. Е. Мерцалов делал свой список, т. е. подлинная рукопись сотной грамоты была с дефектом, именно из этой подлинной рукописи (из сотной грамоты) было утрачено три страницы и притом как раз в описании крепости.

Насколько можно судить по отрывочным данным, имеющимся в литературе, Вологодская крепость была впоследствии, но когда именно, в литературе на это я не нашел указаний, упразднена.

Из литературы однако известно, что предназначенный для постройки крепостной ограды строительный материал, как например камень, а также кирпич из ее развалин брали на постройку различных городских сооружений. Так напр., теплый Воскресенский собор, законченный постройкой во второй половине XVIII века, был выстроен частью из этих материалов. Последний остаток крепости, т. н. Пороховая башня существовала до 1820 годов близ угла бульвара между М.-Октябрьской и Петроградской улицами, когда она была снесена²⁾, при чем, по утверждению некоторых местных старожилов, кирпич, из которого была выстроена башня, пошел на постройку дома, где теперь помещается детский приют и Дом Санитарного Просвещения и на какой то другой дом по б. Козленской улице.

Заинтересовавшись вопросом о судьбах Вологодской крепости, я, насколько было для меня возможно, обстоятельно изучил вопрос о ней в местной краеведческой литературе и наводил справки в центральных библиотеках, но все мои старания ознакомиться более подробно с этим вопросом оказались безуспешными, так как нужных

¹⁾ Источники истории г. Вологды и Вологодской губернии. I. Список с писцовой книги города Вологды, сделанный в 1629 году. Вологда. Типолит. Шахова и Клыкова, 1904, стр. 3—6.

²⁾ См. об этом у И. К. Степановского в „Вологодской Старине“, стр. 95.

мне данных не находилось. Попытки реконструировать расположение исчезнувшей крепости по отрывочным данным сотной грамоты были также безрезультатными, и крепость оставалась стоять в моем представлении обвеянная дымкой легенды до тех пор, пока я не решил произвести поиски в архивах, как местных, так и центральных. Эти поиски увенчались успехом.

Прежде всего моему брату А. В. Фалину удалось отыскать для меня в архиве б. Губернской Чертежной план г. Вологды генерального межевания 1782 года, на котором, между прочим, был нанесен существовавший еще тогда крепостной ров. Затем во время моей поездки в Москву в мае 1923 года, благодаря любезному содействию Вологодского Архивного Бюро в лице Заведующего им А. П. Истомина и И. Н. Суворова, а также благодаря разрешению и любезному содействию Центрархива и администрации Архива б. Министерства Юстиции, в лице Н. П. Чулкова, мне удалось добыть в сметной книге 1657 года составленное стольником и воеводой Алексеем Павловичем Еропкиным и дьяком Савином Завесиным описание Вологодской крепости и притом довольно полное.

Располагая теперь копией части плана генерального межевания 1782 года (кстати сказать снятой для меня братом моим в увеличенном масштабе) с ситуацией на ней крепостного рва, а также данными сметной книги, я решил снова попытаться реконструировать расположение крепости и эта попытка дала в общем, мне кажется, удовлетворительный результат.

Ниже я представляю вниманию интересующихся вопросом о Вологодской крепости добытые мною данные и даю, в виде опыта, исполненный при моем участии С. А. Кашиным схематический ситуационный план этой крепости, составленный по данным сметной книги 1657 года и нанесенный на план генерального межевания 1782 года¹⁾.

Разумеется, согласовать данные сметной книги 1657 года с планом 1782 года не представлялось делом легким и мне пришлось при исполнении чертежа несколько видоизменить направление береговой линии реки Вологды и речки Золотухи по сравнению с ситуацией их на плане Екатерининской эпохи (т. е. генерального межевания), но изменяя направление этой линии, я действовал не произвольно, а принял во внимание некоторые исторические данные, напр. отписку воеводы Милославского о подмыве города р. Золотухою в 1651—52 годах, а также указания местных историков и старожилов²⁾.

Не подлежит никакому сомнению, что Вологда уже с стародавних времен была укрепленным пунктом. Если, основываясь на выводах проф. С. К. Кузнецова, которые он делает в своей работе³⁾, пойти

¹⁾ Всем учреждениям и лицам, содействовавшим мне при исполнении моей работы, я приношу здесь выражение своей живейшей признательности.

²⁾ Так, по словам И. Н. Суворова, на его памяти значительная часть берега Соборной Горки с целой аллеей была смыта рекой Вологдой, и это несколько неудивительно, если вспомнить, как, напр. размыт Вологдой берег около Фрязиновской церкви в последние 25 лет.

³⁾ Русская историческая география. Курс лекций, читанных в Московском Археологическом Институте в 1907—1908 г. С. К. Кузнецовым. Вып. I (мера, мещера, мурома, весь). Изд. Моск. Археол. Института. М. Синодальная типография. 1910 г.

несколько далее, чем сделал это он, а именно: не только предполагать, что юго-запад нашей Вологодской губернии был населен очень близким этнографически к мерянам племенем, а может быть и самой мерью, которая по Иордану находилась в IV веке под властью короля готов Германариха, но и допустить возможность, что в районе современной Вологды во времена седой древности действительно могло существовать мерянское поселение, то оно обрисовывается в нашем представлении не иначе, как маленьким укрепленным пунктом с примитивной крепостной оградой, а может быть даже просто чудским мольбищем где нибудь в древнейшей части города, т. е. во 2-м городском участке, напр. на одном из мысов, образованных слиянием ручьев Хрулева и Кайсарова с рекою Вологдой или же между этими ручьями.

Новгородцы, проникая на Север, конечно, не могли миновать района Вологды и, овладев им мирным путем, как носители более высшей культуры и обладатели капитала, или взяв его „на щит“, т. е. покорив его огнем и мечем, несомненно, устроили в этом районе опорный пункт для упрочения своего господства в обильном естественными богатствами крае.

Возможно, конечно, что первоначальное поселение, из которого развилась впоследствии современная Вологда, существовало и в те времена и новгородцы только отвоевали его тем или иным путем от мери, а может быть новгородцы и были его основателями: утверждать это с положительностью при современном состоянии наших знаний о крае, невозможно. Во всяком случае несомненно одно, что Вологда с момента ее возникновения являлась одним из главных ключей к обладанию краем. Можно себе представить точно также, что и в те, тоже давно умолкнувшие времена, в светлые тихие воды древней мерянской реки Вологды¹⁾, в самом названии которой остался отзвук древней финской речи, смотрелась небольшая крепостца новгородцев с ее валом, тыном на валу, быть может даже с одной или несколькими деревянными башенками и с выглядивавшей впоследствии из за этого тына деревянной церковкой...

Когда татары завоевали русскую землю и когда Тверской князь Святослав Ярославич в 1273 году привел с собой на Вологду татар, то вологжане, вероятно, отбивались от врагов за оградой своей деревянной крепостцы, павшей в конце концов перед натиском превосходных сил...

Отвоевав от новгородцев Вологду, за которую они всегда вели распрю с вольным городом, московские великие князья, конечно, сделали все возможное, чтобы обеспечить себе путем прочного обладания Вологдой владычество над всем северным краем, и вероятно еще солиднее укрепляли Вологду, чем делали это новгородцы.

В описаниях различных событий эпохи после 1397 года, когда Вологда подпала под власть московских владык, фигурирует, между прочим, и имя Вологды, как укрепленного пункта. Войска новгородцев стояли не раз под стенами своей бывшей крепости, как стоял под ними и Шемяка, как стояли казанские татары, и крепость, повидимому, иногда вполне успешно выполняла свое назначение. Барон Гер-

¹⁾ „Волгодо“ по черемисски по проф. Кузнецову значит „светлый“, „ясный“ (Соч. цитир. стр. 184).

берштейн, посетивший Россию в первой половине XVI века, называет уже Вологду крепостью. Где стояла Московская крепостца, сказать трудно. Конечно, она стояла, вероятно, там, где существовал когда-то и новгородский острожек, быть может даже на старом городище, вокруг церкви Воскресения, что на Ленивом торгу, но оставалась ли она там вплоть до эпохи Грозного, или же по приказу кого-либо из властелинов Москвы была перенесена на то место, где впоследствии Грозный начал постройку своей крепости, упомянутой в легенде, вопрос остается открытым, по крайней мере для меня.

Грозный был в Вологде, повидимому, несколько раз и излюбил ее как место для создания мощной твердыни от нападений внешних врагов, перед которыми он не был в безопасности даже в Москве с ее Кремлем, твердыни, где он думал, быть может, найти убежище от крамолы и боярских козней, которые всюду мерещились воображению тирана. Возможно, что Грозный не доверял и своим новым друзьям англичанам, открывшим путь в Россию через Белое море. Некоторые авторы, повторяя слова легенды, не исключают возможности, что Грозный хотел перенести, действительно, в Вологду свою столицу.

Выше я уже привел по А. А. Засецкому места летописи Ивана Слободского, относящиеся к постройке Грозным в Вологде крепости. Из этих мест видно, какие обширные работы предпринял царь по сооружению крепости, добавлю только, что Грозный не только приказал очистить место для будущей крепости и для склада необходимых при постройке ее строительных материалов, но и приказал снести в окружности крепости все, что мешало устройству складочных мест для строительных материалов и представлялось нежелательным соседством для крепости по фортификационным соображениям, так, напр., деревянную церковь Петра и Павла, находившуюся на правом берегу Золотухи, на мысу образуемом слиянием этой речки с рекой Вологдой, и стоявшие около нее дворы поповские и церковников он приказал перенести на новое место, в Новинки, где эта церковь (в настоящее время каменная), обслуживавшая в начале XIX века казенную больницу, стоит и до сих пор. Близ места этой церкви лежала потом „государева известь, что вожена была для городского каменного дела“¹⁾. Эта известь в 1627 году все еще находилась тут на берегу р. Вологды, перед дворами Юдиных и Булгаковых; несколько ниже этого места, примерно там, где находится дом, в котором помещается теперь Губисполком (б. губернаторский дом), были „исадные места (пристань), где лежали государевы городовые бревна“²⁾. По линии современной Петроградской улицы лежало „камень“ „дичь и бут“, т.е. разные материалы для возведения с этой стороны каменной крепостной ограды, которая, однако, так и не была достроена³⁾.

Помимо постройки крепости, Грозный начал строить в Вологде еще другое грандиозное сооружение, именно, Софийский (Успенский) Собор по образцу Московского Успенского Собора. Хотя этот собор Грозным и не был окончательно достроен, однако он был уже выведен до купола. Эта грандиозная постройка, конечно, отвлекла внима-

¹⁾ Источники Истории города Вологды. I. Стр. 118.

²⁾ Источники Истории города Вологды. I. Стр. 119.

³⁾ Источники Истории г. Вологды, стр. 6.

ние царя в ущерб постройке крепости, и он, если верить сказаниям, позволил даже употреблять на постройку собора кирпич, заготовленный для крепости. Наконец, в то же самое время Грозный был занят постройкой и оборудованием судов для своего „путного шествия“ в поморские страны. Таким образом, оба эти начинания, постройка грандиозного здания, каким являлся собор, а также постройка судов, без сомнения, отразились на том, что постройка крепости не была доведена Грозным до конца, а это последнее обстоятельство тоже подействовало преждевременному исчезновению интересного памятника крепостного зодчества XVI века¹⁾.

С утратой Грозным интереса к работе по сооружению Вологодской крепости и других вологодских построек, которым ранее он посвящал свое внимание, строение каменной крепостной ограды прекратилось, а на тех участках, где этой ограды возвести не удалось, был поставлен деревянный острог с башнями, который еще нашли составители писцово-книги 1627 года князь Иван Мещерский и подьячий Федор Стогов.

В 1631 году острог этот был заменен деревянной стеной.

Наиболее старый известный местным краеведам документ, где содержится описание Вологодской крепости—это сотная грамота 1629 года²⁾, но в этом документе, как я уже говорил выше, есть, к сожалению, большие пропуски как раз в описании крепости. А. Е. Мерцалов в своей работе, посвященной описанию города на основании сотной грамоты, конечно, не мог пробелы эти восполнить так же, как и я не мог на основании исключительно этого документа реконструировать на плане положение крепости. Поэтому в своем описании крепости я буду придерживаться главным образом сметной книги 1657 год

Описание крепостной ограды в этом документе начинается с круглой каменной наугольной Вознесенской башни (№ 1)³⁾, которая стояла на левом берегу Золотухи, близ церкви Вознесения, в углу, образованном слиянием этой речки с рекою Вологдой. Башня эта упоминается и в сотной грамоте.

От Вознесенской башни каменная стена крепостной ограды тянулась вверх по левому берегу Золотухи и упиралась в каменную глухую (т. е. не имеющую проезжих ворот) башню (№ 2), от которой снова продолжалась до Спасской каменной башни, в которой находились Спасские же проезжие ворота.

Эта башня называлась Спасской, вероятно, потому, что ворота в ней вели через Золотуху на площадь к церкви Спаса единогодневного строения. Эти же ворота, по всей вероятности, назывались и Никольскими, потому что на площади стояла тогда, стоит и теперь церковь Николая чудотворца. По крайней мере это предположение подтвер-

1) Постройка крепости и судов очень тяжело отразились на экономическом благосостоянии населения окружающего Вологду района, которое, как это известно из летописных источников, было обложено тяжелыми налогами для целей постройки и, не будучи в состоянии выполнить возлагавшихся повинностей, покидало край и уходило, куда глаза глядят.

2) Соч. цит. выше.

3) Номера в скобках указаны по прилож. схематическому ситуационному плану крепости.

ждается отпиской воеводы Милославского и подъячего Агаркова ¹⁾. Эти ворота находились по близости от современного Рыбнорядского мостика. От Спасских ворот и башни крепостная ограда тянулась далее в том же направлении, прерываясь глухой каменной башней (№ 3) до громадной по своим размерам Пятницкой башни, названной так по месту расположения ее против Парасковинской Пятницкой церкви. Относительно этой башни в сотной грамоте 1629 года содержатся некоторые детали, которые совершенно отсутствуют в сметной книге и которые я считаю здесь уместным привести, хотя их уже касался А. Е. Мерцалов в своей работе. В этой башне было трое створчатых ворот, сделанных из брусьев (по всей вероятности из сосновых). Идя в крепость, сначала проходили через внешние ворота, которые могли, запираясь еще железной опускающей решеткой (кстати сказать, в 1627 году решетка эта была испорчена), затем проходили через средние ворота внутри башни и, наконец, через внутренние ворота вступали в крепость. Над внешними и внутренними входами, по обычаю эпохи, висели образа. Вероятно, и над прочими воротами в крепость висели какие-нибудь образа, но об этом ни в сметной книге, ни в сотной грамоте указаний нет.

На стороне Пятницкой башни, обращенной к Золотухе, были 2 окна, а на боковых сторонах по окну. Весь этот участок крепостной ограды от Наугольной Вознесенской башни до Пятницкой совершенно отсутствует в изданном И. Н. Суворовым списке сотной грамоты 1629 года.

От Пятницких проезжих ворот и башни крепостная ограда продолжалась до глухой башни (№ 5) и затем шла до башни такой же громадной, как и Пятницкая. Эта башня называлась Благовещенской. По сотной грамоте, в Б. башне было, как и в Пятницкой, трое ворот, расположенных одни в отношении других точно таким же образом, как и там, и такого же устройства, т. е. они были створчатые и были сделаны из сосновых брусьев.

После разорения Вологды польско-литовскими и казацкими шайками в 1612 году, эти ворота „с загородья“, т. е. со стороны, обращенной к Золотухе, были заложены кирпичем. Какими соображениями вызвано было замуравание ворот, документы, имевшиеся в моем распоряжении, не говорят. Возможно, что состояние этих ворот в техническом отношении было таково, что представляло угрозу для проходящих и проезжающих через них, и потому они были замурованы. Но может быть они были замурованы и по чисто военным соображениям, чтобы уменьшить число подступов к крепости, которые следовало оберегать. Затем, башня была расположена как раз против стрелецкой слободы и неприятель, при внезапном успешном нападении, провавшись через ворота, мог сразу же захватить врасплох главные силы защитников крепости, что, весьма возможно, как раз и имело место в 1612 году при нападении поляков и может быть с этой башней были связаны у вологжан того времени тяжелые воспоминания.

¹⁾ Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском Университете. 1886 г. Апрель—июнь. Книга вторая. V. Смесь. Из рукописей Е. В. Барсова, стр. 10—11.

Это последнее предположение, могущее казаться немного смелым, получает свою опору в том факте, что церковь Вознесения, расположенная вблизи Спасских ворот, не только уцелела, но даже и не была разграблена неприятелем, так как очевидно лежала ему не по пути.

На Б. же башне находился, по указанию сотной грамоты, вестовой колокол, звуками которого стрельцы и жители города оповещались о необходимости сбора, напр., по случаю предстоящей опасности.

Кроме вестового колокола, на этой же башне находились часы. Какого устройства и какой фирмы были эти часы, сказать трудно, но вполне вероятно, что они были с боем, чтобы оповещать стрелецкое начальство и самих стрельцов о времени высылки и смены караула и т. д. Куда девались эти часы впоследствии, данных у меня нет. За часами в 1627 году наблюдало специальное лицо—городовой часовник Демка, у которого на правом берегу Золотухи, где то ниже современного Мяснорядского моста, была собственная кузница.

От Б. башни крепостная ограда шла до глухой башни (№ 8), а затем до круглой наугольной Обуховской башни, стоявшей на мысу, образованном речкой Золотухой и отходившим от нее крепостным рвом. Название свое башня получила от имени лежавшей против нее Обуховской слободки или Обухова.

Этот участок крепостной ограды—именно, каменная стена с башнями, начиная от круглой Вознесенской Наугольной башни с отходившим от нее вверх по р. Вологде небольшим участком недостроенной каменной стены в 4,81 саж. и кончая круглой наугольной Обуховской башней и был, по всей вероятности, выстроен Грозным, так как летописец говорит, что с отходом Грозного от этой работы „строение града преста“ и мы, действительно, увидим, что впоследствии каменная крепостная ограда так и не была постройкой докончена. В дальнейшем, для краткости, я буду называть этот участок „стеною Грозного“

Переходя теперь к описанию размеров различных частей стены Грозного, я должен сказать, что все построение схематического плана расположения крепости сделалось для меня возможным только тогда, когда я, приняв во внимание все те указания, какие делает проф. С. К. Кузнецов в своей книге „Древнерусская метрология“, стал считать сажень, которою были измерены крепостные стены в 42 вершка, т. е. по старей мере, а не в 48 вершков, как в современной сажени ¹⁾, В дальнейшем всюду, где говорится у меня о сажнях, следует иметь в виду современные сажени, в которые я перечислил старые сажени, если это особо не оговорено.

По стене Грозного, имевшей общее протяжение в 290 саж., если считать и наугольные башни с их диаметрами, было всего 9 каменных башен, из них 2 круглых. Из этих 9 башен в Спасской, Пятниц-

¹⁾ Проф. С. К. Кузнецов. Древнерусская метрология. Курс лекций, читанных в 1908-9 учебном году в Московском Археологическом Институте. Малмыж на Вятке. Тип. Н. Н. Черемшанского. 1913, стр. 79—80 и др. относ. к вопросу о сажени. Я принял сажень размером в 42 вершка, для выполнения чертежа расположения крепости, основываясь на данных проф. Кузнецова относительно а) измерения колокольни Ивана Великого при Борисе Годунове, б) сажени в рукописи Прозоровского о солеваренном производстве, в) сажени при постройке церкви в Кайгородском уезде.

кой и Благовещенской были проезжие ворота, но после вологодского разорения, в 1612 году, Благовещенские ворота были заложены кирпичем и, следовательно, закрыты для проезда¹⁾. Соответственно этому, вероятно, были в трех местах через речку Золотуху перекинуты постоянные мосты, хотя может быть и легкого типа. Пролетов каменной стены было 8. Каменные башни были невысоки, от 1,30 до 3,72 саж. Наибольшей высотой отличалась Спасская башня (3,72 с.), затем Благовещенская, так как они были расположены ближе к ронделям (круглым башням) и углам крепостной ограды, которые, как наиболее важные опорные пункты при защите крепостной стены, должны были иметь и соответствующей мощности укрепления с наиболее угрожаемых флангов, и кроме того, эти башни, как и Пятницкая б., бывшая высотой в 3,05 саж., имели ворота. Глухие башни были в высоту по 1,3 саж. и только одна из них между Благовещенской и Обуховской башнями была высотой в 1,74 саж.

Наугольные башни были выше, чем глухие, так, напр., Обуховская б. была высотой 2,62 саж., Вознесенская—2,18 саж. Поперечник башен, считая вдоль по стене, был различен и колебался от 7,87 саж. (Вознесенская Наугольная и Обуховская башни) до 9,62 саж. (Спасская, Пятницкая, Благовещенская и Глухая № 4). Прочие глухие (не проезжие) башни занимали протяжение по стене—башня № 2—8,75 саж., № 6—8,97 саж., № 8—9,18 саж. Вознесенская наугольная башня имела в окружности 25,37 саж., Обуховская 26,25 саж.

Все 7 башен, находившиеся в промежутке между наугольными башнями, имели различное протяжение в длину, т. е. перпендикулярно к линии крепостной ограды; у наугольных же башен в сечении был круг и след. поперечник и длинник, как диаметры, были равны.

Глухая башня № 2 имела такую же длину, как и ширину (8,75 с.) т. е. представляла в сечении квадрат, Спасская башня, в которой, вероятно, были тоже трой ворота, тянулась в длину на 15,74 саж.²⁾ Глухая башня № 4 имела длину 7,43 саж.; Пятницкая и Благовещенская по 17,50 саж., глухая башня № 6—8,97 саж., т. е. была в сечении квадратной, глухая № 8—8,75 саж. Толщина стен в башнях была значительной и колебалась от 1,3 саж. (глухие №№ 2, 4, 6 и 8) до 2,18 саж. (Спасская и Пятницкая).

Относительно толщины стен в прочих башнях указаний нет, но ее можно вычислить, если принять во внимание размер башен внутри. На что имеются указания в сметной книге. Однако, при этом получается иногда довольно значительное несоответствие между внутрен-

1) В сотной грамоте упоминаются „старые проезжие ворота“. Весьма возможно, что этим именем обозначались Благовещенские ворота, после 1612 года закрытые для проезда. Возможно также допустить, что крепостное начальство не разрешало ездить через все трой ворота, а разрешало ездить сначала через Благовещенские ворота, а затем через Пятницкие, через Спасские же (Никольские) ворота может быть совершалось только пешеходное движение.

Состояние мостов могло также играть в этом случае роль.

2) Н. И. Суворов в своей работе „Вологда в начале XVIII столетия“ (Полн. собр. соч. Волог. губ. 1861 г., стр. 58) определил длину Никольской (Спасской) башни около 15 саж., сложив на основании данных переписной книги 1711—1712 года поперечники занимаемых торговцами под сводами этой башни лавок и других торговых помещений, а также лавочных мест. Таким образом, полученное число 15,74 саж. мало разнится от его числа.

а весь периметр башни равнялся 13,11 саж., хотя по данным сметной книги периметр ее равнялся 15,74 саж. Повидимому, тут вкралась ошибка со стороны составителей сметной книги. В самом деле, если каждая стена башни по старой мере была протяжением в две с половиной сажени, то протяжение шести стен равнялось по старой мере пятнадцати саженим, а не восемнадцати, как это исчислено в сметной книге.

Такие же приблизительно размеры имела и Борисоглебская башня, но в частности ее высота была несколько меньше, так как она стояла в наибольшем расстоянии от обеих ронделей, Обуховской и Пречистенской, почти на середине между ними. Периметр ее сечения зато был несколько больше, так как в ней были проезжие Борисоглебские ворота. Власьевская башня имела меньшую высоту, так как строители крепости, очевидно, полагали, что защита ее имеет достаточно мощные опорные пункты в Борисоглебской и особенно в круглой Пречистенской башнях.

Поперечник по стене глухой башни № 10 и глухой Власьевской равнялся 4,37 саж. каждый, а Борисоглебской 5,24 саж. На сторонах башенных обломов, обращенных к крепостному рву, т. е. на сторону Народного Дома и бульвара, было на каждой стене по два окна, а на сторонах, обращенных в крепость, по одному на каждой стене башни. Такое расположение окон вряд ли требует пояснений, так как для каждого очевидно, что опасности для защитников башни следовало скорее ожидать извне, а не со стороны внутреннего пространства крепости. Кровли башен и деревянного города были сделаны из тесу.

От Пречистенской башни, которую я уже описал выше, тянулась опять каменная стена (с нарубленным на ней деревянным городом), вышиною в 2,62 саж., с деревянным же городом в 1,3 саж., общая высота здесь крепостной ограды была 3,92 саж.,—прерываясь глухой каменной башней № 14 и продолжалась затем еще на некоторое расстояние (37,62 саж.), за которым опять до берега р. Вологды следовала деревянная стена (вероятно, меньшей высоты) с башнями. Общая толщина крепостной стены в этом месте была, вероятно, около 2 саж.

Ближайшей к глухой башне № 14 была деревянная башня № 15, т. н. Прилуцкая, названная так потому, что была обращена в сторону Прилуцкого монастыря или же, быть может, потому, что она приходилась как раз против Цареконстантиновской церкви, где имеется придел св. Димитрия Прилуцкого¹⁾. За Прилуцкой башней и пролетом деревянной стены следовала башня против Ильинского монастыря (№ 16), затем деревянная крепостная ограда продолжалась еще некоторое расстояние (18,37 саж.) и поднималась на земляной вал („земляной город“), по которому тянулась дальше до берега реки Вологды и далее вдоль этого берега до Вознесенской рондели, от которой сметная книга начинает описание крепости. Этот земляной вал был в этом месте (до берега р. Вологды) вышиною в 3,50 саж. и точно такой же толщины. Вследствие устройства „земляного города“ линия обороны этого участка крепостной ограды (до „Вознесенской“ рондели) значительно выигрывала в своей мощности.

¹⁾ На это указал мне в дискуссии по поводу моего доклада о крепости, сделанного в Вологодском Обществе Изучения Северного Края (29 июня 1923 г.), член О-ва И. А. Турнин.

На расстоянии 35 саж. от „башни против Ильинского монастыря“ находились единственные на этой стороне крепости Ильинские проезжие ворота (башня № 17); за ними земляной город такой же вышины, с деревянною стеною на нем, тянулся еще на расстоянии 14 сажен и упирался в стоявшую на берегу реки Вологды наугольную деревянную башню, названную в сметной книге „Свирловою“, от которой по берегу р. Вологды, как было упомянуто выше, шел тоже земляной вал, но уже меньшей высоты и ширины, с деревянной стеною на нем и деревянными башнями. Земляной вал был менее мощен, чем в участке до „Свирловой“ башни, так как протекающая подле этой стороны река Вологда представляла собою, вследствие своей сравнительно значительной ширины (40—50 сажен), серьезное препятствие для неприятеля, который стал бы атаковать крепость с этой стороны.

Деревянные башни, расположенные в системе крепостной ограды по берегу реки Вологды, шли, начиная от „Свирловой“ башни вниз по течению реки, в такой последовательности. Сначала шла Преображенская башня, находившаяся, очевидно, вблизи Преображенской церкви, которой в настоящее время не только нет следа, но даже неизвестно точно, где она и стояла. Затем следовала башня „Софейские проезжие ворота“, которая приходилась приблизительно против того места, где теперь перевоз через реку у Собора. В 1627 году от Софейской башни к реке Вологде был поставлен тын для ограждения защитников крепости, если бы они во время осады стали спускаться к реке Вологде за водой или для каких либо других надобностей.

Для добывания воды при осаде крепости должны были служить также 4 подземных хода к реке („водяные тайники“), но они уже в 1627 году, вследствие гнилости подпорок, обрушились и засыпались землею, так что, когда в 1657 году воевода и дьяк опрашивали относительно водяных тайников старых, т. е. долго служивших в Вологодской крепости, пушкарей, то эти старые пушкари им сказали, что таких тайников и не бывало. Относительно колодцев, которые были тогда в городе, сметная книга говорит, что санитарное состояние этих водоемов и тогда было ниже критики: „а кладези мелкие, и воды в них плохи“.

Весьма возможно, что и во времена сотной грамоты и сметной книги через реку Вологду у собора тоже существовал перевоз подобно тому, как это имеет место теперь, а, может быть, даже бывал и „живой“ мост, как близ Вознесенской церкви.

За Софейской башней следовала Рождественская (в сметной книге „Рождественская“), которая была расположена вблизи существовавшей тогда Рождественской церкви, затем через некоторое расстояние от нее, ниже по течению р. Вологды, находилась Соловецкая башня. Она получила свое название, как и находившаяся около нее Соловецкая улица, по всей вероятности, от находившегося в этой улице двора Соловецкого монастыря.

Еще ниже по р. Вологде находилась башня „Вознесенские проезжие ворота“ (деревянная), у которой также был или переезд через реку башня стояла близ ц. Вознесения) на пароме, или т. н. „живой мост“, т. е. наводившийся в теплое время года, после спада весенних вод, и составленный, вероятно, из плотов. Этот мост впоследствии назывался

также „плаучим“ (плавучим), и церковь Вознесения именовалась что у плаучаго мосту“.

Протягивавшаяся от „Вознесенских проезжих ворот“ к Вознесенской наугольной башне крепостная ограда (т. е. в этом месте деревянная стена с валом) не доходила, однако, вплотную до наугольной башни, а упиралась в примыкавший к наугольной башне участок начатой, но не законченной постройкой каменной стены протяжением в 4,81 саж., но значительной высоты и толщины.

Наше описание крепостных верков было бы неполным, если бы мы не упомянули о крепостном рве.

Ров этот образовывала речка Золотуха ¹⁾, которая текла подле стены Грозного, а затем прокопанный из нее близ Обуховской башни канал, который обтекал южную и западную стороны крепости. Этот ров по сотной грамоте, если только я правильно читаю относящееся сюда место, был шириной около 25—26 саж. и глубиной около 7—8 саж., т. е. был весьма значительных размеров ²⁾. Однако, воды Золотухи, по видимому, недостаточно питали этот ров, и потому Грозный решил отвести еще течение речки Шограша и также пустить ее воды в крепостной ров. Следы этого соединительного канала заметны еще и теперь в виде т. н. Копани или Копанки, уже частично в настоящее время засыпанной при производстве работ по оборудованию ж.-д. станции Вологда—город. Вероятно, русло р. Шограш ниже места отхождения соединительного канала (Копани) должно было быть преграждено достаточной мощности плотиной или засыпано, и тогда воды Шограша наполнили бы собой крепостной ров. Была ли устроена такая плотина, я не знаю. Во всяком случае я не видал ее следов.

Копание рва и соединительного канала было, по летописцу, производимо руками пленных татар, которые, в случае их смерти на работе, тут же и хоронились на берегу Копани, почему и местность эта называлась ранее „Татарские горы“; теперь это название не употребляется.

Для воспрепятствования доступа к крепости, по правому берегу Золотухи и по левую сторону отходящего из нее канала и в самом рве был набит т. н. чеснок (заостренные сваи), насколько об этом можно судить на основании сотной грамоты; а по левому берегу Золотухи и, вероятно, по правому берегу канала кругом крепости были

¹⁾ Существует мнение, что р. Золотуха представляет из себя искусственный водоем, т. е. нарочно выкопана, чтобы принять в себя воды р. Содемки и служить рвом, но возможно, что она представляет из себя и естественный водонесточник, несколько углубленный и соединенный с р. Содемкой. Вопрос можно решить только после геологического обследования. Точно так же и для рва б. Архирейского Сада мог быть использован какой-либо протекавший тут ручей, русло которого строители крепости расширили и углубили.

²⁾ В сметной книге 1677 года, которую я просматривал в архиве б. Мин. Юстиции, ров показан только в 3 сажени шириной и 1¹/₂ саж. глубиной, но вряд ли первоначальный ров был таким узким и мелким, т. к. уже в 1627 году он был заплывшим. Судя же по Копанке, можно предполагать, что выемка земли для рва была немалой. Может быть, в этой книге 1677 года учитывается лишь ширина и глубина той только части рва, которая была наполнена водой.

устроены т. н. надолобы¹⁾. Кроме того, в самом рву, на стороне его, обращенной к крепости, был поставлен тын, которым были, повидому, также обнесены и некоторые из башен. Все эти устройства должны были служить тому же назначению, какому служат проволочные заграждения в наше время. Берег речки Золотухи был укреплен издали обрубками и сваями дубовыми²⁾.

Таков был вид крепости в 1632—1635 годах после постройки деревянной крепостной стены Михаилом Федоровичем.

В течение следующего времени крепость подвергалась большим злоключениям. Прежде всего в 1636 году произошел очень сильный пожар, в пламени которого погибла часть деревянной стены и деревянных башен; в 1641 году пожар повторился снова, и опять сгорела значительная часть деревянных укреплений. Во время этих же пожаров сгорели деревянные стены и башни, нарубленные на стене Грозного.

В 1657 году деревянные стены и башни отсутствовали по всему протяжению вдоль берега реки Вологды, равно как выгорели они и на участке крепости между „Свирловою“ башней и каменной стеной, примыкавшей к глухой башне № 14. Деревянный город, нарубленный на этой стене и в пролете между башней № 14 и Пречистенской, уцелевшей от пожара, был во многих местах разломан.

По линии М.-Октябрьской (б. М. Дворянской) сгорела сравнительно небольшая часть деревянной крепостной ограды, поэтому производивший в 1657 году смотр крепости и гарнизона, а также ополчения, которое могла выставить Вологда, воевода Еропкин вместе с дьяком Завесиным и дали нам в сметной книге свое описание размеров и состояния частей, т. е. стен и башен, деревянной крепостной ограды, этого любопытного произведения крепостного зодчества той эпохи.

Под влиянием сильных пожаров и дождей, а также других неблагоприятных атмосферных влияний, а может быть, и вследствие неудовлетворительного в строительном отношении устройства каменной крепостной ограды (плохое качество кирпича, известковой замазки и т. д.) пострадала в весьма сильной степени и целостность стены Грозного и целостность каменного блока Пречистенской башни.

Так, напр., каменная стена в пролетах между башнями осыпалась во многих местах на обе стороны, т. е. снаружи и кнутри от $\frac{1}{4}$ саж. до 1 саж. и больше. Такую же участь испытали и стены каменных башен. Своды у некоторых башен в 1657 году оказались уже провалившимися. Толщина стен в башнях вследствие осыпания уменьшилась. В этом обстоятельстве и кроется, может быть, причина, почему смеется кажущееся несоответствие между толщиной стен и емкостью

¹⁾ Надолобами назывался ряд вкопанных в землю обрубок дерева, иногда соединенных между собою связью. В XIII—XVIII веках надолобы употреблялись в русских фортификационных постройках. Их ставили в некотором расстоянии друг от друга, образуя контр-эскарпом рва, оставляя местами коленчатые выходы. Усиленные начетами из хвороста с землей, н. образовывали нечто в роде прикрытого пути и служили оборонительным целям. Ныне и—бы ставят, как перила, по краям дорог, ведущих по насыпи или косоугру с целью ограждения пути. (Энциклопедия воен. морск. наук, сост. под гл. ред. ген.-лейтенанта Леера, Т. V, стр. 310, К. И. В.).

²⁾ См. в приложении отписку воеводы Милославского (цит. выше).

внутреннего помещения каменных башен. Можно предполагать, что производившие описание крепости дали такую толщину стен, какой они были в натуре, и не считали осыпавшейся части. Вполне возможно поэтому, что первоначальная толщина стен была гораздо больше, и, след., площадь внутреннего помещения башни была таковой, каковой она дана в сметной книге. К невзгодам, которые выпали на долю крепости, следует причислить также большой размыв левого берега речки Золотухи, происшедший весной 1651 и 1652 годов, вследствие высокого стояния воды в этой реке в зависимости от быстрого таяния снега и больших дождей. Бывший тогда воеводой Милославский опасался даже за целостность стены Грозного, так как р. Золотуха текла уже в расстоянии 1—2 саж. от главных башен, угрожая подмывом их. Поэтому Милославский послал в Москву об этом отписку и получил от туда приказ укрепить берег Золотухи, „чтобы больше того порухи не было“.

Из резолюции, положенной на донесении воеводы Милославского, становится ясным, что необходимость в укреплении берега Золотухи была и раньше. (См. приложение)¹⁾.

В общем нужно однако сказать, что Вологодская крепость после 1632 года не была в большом фаворе у Московского Правительства. Это видно хотя-бы из того, что со времени пожаров 1636 и 1641 годов до 1657 года прошло много лет, но каменные башни и стена не ремонтировались и продолжали разрушаться, а деревянные город и башни вновь не отстраивались.

Это могло объясняться, конечно, или недостатком средств в казне для производства ремонта крепости, или же, и это кажется более вероятным, тем обстоятельством, что крепость потеряла то значение, какое ей придавали Грозный и Михаил Федорович.

Артиллерия с крепости в 1657 году была снята и мирно покоилась на складе²⁾. Вопросы о ней, равно как и вопроса о живой силе крепости, т. е. о ее гарнизоне, я здесь не касаюсь за недостатком места и думаю сделать это в следующем сообщении.

В заключение я хочу остановиться на некоторых недоуменных вопросах, которые возникли у меня при изучении сотной грамоты и сметной книги.

В сметной книге названа Власьевской башня, находившаяся между Борисоглебскими воротами и Пречистенской башней, тогда как это название на первый взгляд более подходило бы к глухой башне № 10, которая пришлась бы как раз напротив современной нам Власьевской церкви. Может быть, в старину Власьевская церковь стояла на другом месте, или, может быть, Власьевская башня приходилась в косвенном направлении как раз против Власьевской церкви, которая стояла поперек улицы, шедшей в косвенном же направлении по линии, которую можно мысленно провести от этой башни к Власьевской церкви, т. е. в данном случае имелось такое же соотношение, какое существовало между Борисоглебскими воротами и Борисоглебской церковью, мимо

¹⁾ Лит. ист. цит. выше.

²⁾ Только в Пятницких проезжих воротах в 1657 году стояла еще полуторная пищаль. На Пятницкой же башне в 1657 году висели и вестовой колокол и перечасные колокола.

которой, и, вероятно, в косвенном направлении шла улица, ведущая к Борисоглебским воротам. Не исключается и третье предположение, что здесь могла быть ошибка в наименовании башен.

О Свибловой башне, упомянутой в сотной грамоте, в сметной книге совсем не говорится, но зато наугольная деревянная башня у реки Вологды названа очень похожим по созвучию именем—„Свирловой.“ Это последнее имя ничего не говорит, тогда как имя Свибловой носила одна из башен Московской крепости, а Свибловы была фамилия одного из боярских родов. В другом месте сметной книги эта наугольная башня (Свирловая) названа Ильинской¹⁾. Не произошло ли тут какой-нибудь путаницы в названиях некоторых башен, вполне естественной, если воевода и дьяк очень доверяли показаниям „старых пушкарей“, как это, повидимому, имело место по отношению к водяным тайникам. Быть может, у них не было под руками сотной грамоты 1629 года, которая покоилась где-нибудь в архиве, или же воевода и дьяк вообще не были любителями терять время за справками в пыли архивов и утомлять свои очи чтением старых рукописей, а предпочитали посидеть за кубком или ендовой в кругу своих знакомых, подобно тому, как это делали их предшественники по должности в 1612 году, которые, по выражению епископа Сильвестра, „пропили город“, бражничали и не приняли никаких мер к обороне крепости, благодаря чему крепость не выполнила своего назначения и попала на поток и разграбление шайке казаков, литовцев и поляков, которые предали все огню и мечу.

Лично я держусь того мнения, что „Свибловой“ башней сотной грамоты и „Свирловой“ сметной книги называлась наугольная каменная башня (впоследствии Пороховая) близ Владимирской церкви, при описании стен названная Пречистенской.

Большое недоумение вызывает несоответствие между данными относительно расположения каменных стен и башен группы Пречистенской башни по сметной книге и расположением блока Свибловой башни по сотной грамоте. По сотной грамоте, одна из башен этого блока носила название Свибловой и находилась где-то около угла Малой Октябрьской ул. По сметной книге, поблизости от Пречистенской башни находилась лишь одна глухая каменная башня № 14, по данным же сотной грамоты можно заключить, что поблизости Свибловой башни находились еще две каменные башни. Пролеты между этими башнями, по данным сотной грамоты, были почти такого же размера, как пролеты стены Грозного по сметной книге, тогда как пролет между Пречистенской и глухой башней № 14 был, по сметной книге, около 39 саж. По сметной книге, примыкающая к Пречистенской башне каменная стена и глухая башня № 14 с прилегающей к ней стеной находились по линии Петроградской улицы, по сотной же грамоте—примыкавшие к Свибловой каменные стена и башни шли по М. Октябрьской улице. Затем, по сотной грамоте, на пути от Свибловой башни к Ильинским воротам находилась еще одна круглая каменная башня, а по сметной книге этой башни совсем не показано, общее же число

¹⁾ При описании крепостной артиллерии в сметной книге 1657 года назва-

каменных башен (11) и по сотной грамоте и по сметной книге одно и то же.

Тут мне кажется, возможны два предположения: первое, что со времени письма и меры князь Ивана Мещерского да подъячево Федора Стогова в 1627 году до переписи воеводы Еропкина и дьяка Завесина в 1657 году была произведена капитальная перестройка каменной крепостной ограды около Пречистенской башни (которая, может быть, и названа в сотной грамоте Свибловой), а круглая башня на пути к Ильинским воротам совершенно снесена; или же при списывании А. Е. Мерцаловым копии с сотной грамоты произошли ошибки, например, как в исчислении длины крепостной ограды от Свибловой башни до Наугольной на берегу р. Вологды (на Соборной горке), так и в расположении башен. Это вполне естественно, если мы вспомним, что в оригинале сотной грамоты не хватало трех листов, и целость рукописи была нарушена, а следовательно, могло случиться, что и некоторые листы были перевернуты и ошибочно прочтены в обратном порядке.

Описание стены Грозного, насколько можно об этом судить по тем отрывкам, какие сохранились в сотной грамоте, в общем соответствует описанию сметной книги, но в 1627 г. такой деревянной стены, как в 1657 г., не было, а место ее занимал острог, повидимому, другого устройства, чем деревянная крепостная ограда в 1657 году. Из сотной грамоты можно заключить также, что число деревянных башен было больше (21), чем в 1657 году (12), и рублены они были, повидимому, не в 6 стен, т. к. поперечник их по стене равнялся всего на всего, 2—3 саж., а общее их протяжение по стене равнялось $58\frac{3}{4}$ саж. по старой мере, и возможно, что башни были четырехугольными. Пролеты деревянной стены между деревянными башнями были в 1627 г., соответственно большему числу башен, меньше, чем в 1657 году.

Я надеюсь, что последующие изыскания¹⁾ прольют свет на все темные стороны вопроса о Вологодской крепости, и позволю себе смелость думать, что сообщенными мною данными будет несколько заполнен тот пробел, который имелся по данному вопросу в течение больше ста сорока лет в нашей краеведческой литературе, т. е. со времени А. А. Засецкого, некоторые указания которого по данному вопросу, кстати, оказываются как будто ошибочными. Так, например, его указание, что крепость была окружностью около 4 верст, не соответствует добытым мною данным. Согласно моим данным, окружность крепости была всего на всего около 1215 саж. Даже и по старой мере сотной грамоты она не превышала 3 верст. Затем, по линии Петроградской улицы был только небольшой участок каменной крепостной ограды, а вовсе не вся она по этой стороне была каменная, как указывает А. А. Засецкий²⁾.

¹⁾ В архиве б. Министерства Юстиции есть еще несколько документов, относящихся к крепости, но я их не изучил за недостатком времени.

²⁾ При изучении документов я обратил также внимание на то, что слова и слог А. А. Засецкого в описании города поразительно похожи на слова и слог автора „Экономического примечания“ к плану г. Вологды генерального межевания. Возможно, что А. А. Засецкий и составлял это примечание, а возможно, что описание города заимствовал у другого. Вопрос для меня пока остался открытым. Необходимо, конечно, отнести также критически и к описаниям иностранных путешественников. Все места в этих описаниях, которые говорят о сплошной каменной крепостной ограде Вологодской крепости, неверны.

Конечно, мы не должны удовлетворяться полученными данными относительно крепости, а постараться изучить этот вопрос более детально, на что и было сделано во время моего доклада в Об-ве Изуч. Сев. Края указание Л. И. Андреевским. Но вопрос о крепости, сам по себе очень любопытный для историка и археолога, есть только один из частных вопросов, которые возникают при изучении Вологды, являющейся одним из стариннейших русских городов. История Вологды еще мало разработана, не говоря уже об истории ее уезда. Тут предстоит громадная работа для местных историков и экономистов. Пашни много, и много труда надо, чтобы ее распахать и получить с нее все то богатство для познания России, которое наш край может дать.

Говоря о крепости, изучая ее с различных точек зрения, нам не нужно упускать из виду и художественно-археологической стороны. Интересно было бы дать образ исчезнувшей крепости, так оригинально и резко выделявшейся на фоне Вологодского пейзажа XVI — XVII веков, в графике и живописи. А отправляясь от реконструкции крепости, можно было бы вообще попытаться графически реконструировать старую Вологду XVI—XVII веков.

«Что же касается меня, которому сравнительно долго приходилось останавливаться на вопросе об исчезнувшей крепости, то образ ее ярко запечатлен в моем представлении... Крепость исчезла, исчезла вместе с нею и часть града каменного, который начал строить Грозный; давным давно исчезла деревянная стена с ее шестиугольными башнями и обламами, давно исчезли проезжие ворота, под сводами которых когда-то раздавались шаги вологжан, и грохотали повозки... Остался только небольшой участок земляного города в б. архиерейском саду („архиерейская горка“), следы крепостного рва в том же районе, да в церкви Николы на Сенной сохранился образ т. н. „Спаса на убрусе“, что висел со стороны Золотухи над Пятницкими воротами... Но в моем воображении стоит, как наяву, весь ансамбль старинной крепости: ее деревянные башни с высокими шатрами смотрятся с валу в тихие воды древней чудской реки, стрельцы маячат у ее ворот; внутри крепости за твердыней ее укреплений торгует базар, укрывшийся в крепость после литовского разорения; набожно обнажают головы въезжающие выезжающие, входящие и выходящие из ее проезжих ворот люди... Вот день склонился к вечеру: пугливо жмутся около крепости жалкие убогие лачуги посадов; силуэты крепостных башен мрачно выделяются на фоне вечернего неба; длинные черные тени от стены Грозного зловеще падают на берега Золотухи; и гулко раздается в вечерней тиши с Благовещенской башни бой часов, которыми ведает городской часовник чужнец Демка...

*Приложение № 1.***Описание Вологодской крепости в сметной книге 1657 года.**

„Лета 7166 декабря в 20 день по государеву цареву і великого князя алексѣя михайловича всеа великия и малыя и бѣлыя россіи самодержца указу и по грамоте за приписью дьяка григорья богданова стольник і воевода алексѣй павлович еропкин да дьяк савин завѣсин переписали, каковѣ на вологдѣ город и тайники, и колодези, и какова в них вода, и что на вологдѣ в государевѣ казнѣ, какова наряду и по сколку х которой пищали ядер, і сколко гривенок вѣсом ядро, и сколко пуд зелья пушешново и пищального, и свинцу, и в сколко пуд ветоу, и перечасные колокола, и сколко на вологдѣ вологжан посадских людей и пушкарей, и затинщиков і воротников и розсылщиков, и монастырских крестьянских детей, и брат[ей], і племянников, і внучат, и зятьев, и бобылей, и всяких жилецких людей пересмотрили всѣх налицо со всякими бои и имяна их насмотре переписали подлинно по статьям, сколко, какова чину человек и что их всего, и хто имяны в приказной избѣ подъячие и сколь давно они сидят и по какову государеву указу и что им великого государя денежново жалованья дают і ис каких доходов и то писано в сей книге“*).

„Город Вологда“.

„Башня глухая наугольная от реки вологды каменная зачата дѣлать круглая възведено в вышину полтретьи сажени поперег по сводам девять сажень, около тое башни кругом мѣроу дватцать девять сажень; осыпалось с пожаров и з дождей кругом по полусажени, а инде и посажени; своды провалились; в башне внутри в длину и поперег пять сажень; на крестъ дверей в тое башне подошевных боев нѣтъ; сверху посередке здѣлано окошко круглое, да возле той-же башни к вознесенским воротам възведено стѣны в длину полшесты сажени, поперег по стѣнѣ четыре сажени, в вышину с тою башнею ровно; осыпалось тое стѣны на обѣ стороны по полусажени и болши да от той же наугольной башни вверх по золотухе реке здѣлано каменной же стѣны,—з башнею ж ровно,—в длину три сажени, поперег четыре сажени, осыпалось по обѣ стороны по полусажени.

А от той стѣны к другой каменной глухой башне каменной стѣны възведено в длину дватцать восемь сажень, поперег четыре сажени, в высоту полторы сажени; осыпалось тое стѣны по обѣ стороны по полусажени и болши; боев подошевных нѣтъ.

*) Знаки препинания автора статьи.

Башня каменная, глухая, поперег десять сажен, в длину тож, в высоту полторы сажени; осыпалось кругом по сажени и болши; внутри в башне в длину шесть сажен, поперег четыре сажени; стены в башне толщиной полторы сажени; своды целы; двери у тое башни желѣзные, а от тое башни каменные стены възведено до спаских ворот в длину тритцать двѣ сажени, поперег стены полтретьи сажени, в высоту сажень; осыпалось по обѣ стороны стены по полусажени.

Башня каменная, что спаские ворота, поперег одиннатцать сажен, в длину осмнатцать, в высоту четыре сажени с четью; осыпалось кругом по четверти сажени, а инде по полусажени; внутри башни в длину шеснатцать сажен, поперег три сажени с четвертью, в толщину стены полтретьи сажени; от тѣх же спаских ворот к каменной глухой башне городской каменной стены възведено, с вороты ровно, пят сажен, поперег полпяты сажени; осыпалось по обѣ стороны по чети сажени, а инде по полусажени; от спаских же каменных ворот до каменной глухой башни каменные стены възведено в длину дватцать четыре сажени, поперег двѣ сажени, в высоту полторы сажени; осыпалось по обѣ стороны по полусажени.

Башня каменная, глухая, поперег одиннатцать сажен, в длину полдевяты сажени, в высоту двѣ сажени; осыпалось кругом по полусажени, а инде по сажени; своды и верхъ провалился весь; внутри в длину шесть сажен, поперег четыре сажени; в стѣнѣ в толщину полторы сажени; а от той каменной глухой башни к пятницким воротам каменной стены выведено в длину тритцать одна сажен, поперег стены двѣ сажени, в высоту полторы сажени; осыпалось по обѣ стороны по полусажени, а инде по сажени.

Башня каменная, что пятницкие проѣзжие ворота, поперег одиннатцать сажень, в длину дватцать сажен, в высоту полчетверты сажени; осыпалось кругом по чети сажени, а инде и по полусажени; своды во многих мѣстех провалились, и стѣна внутри осыпалась по сажени и болши; внутри ж в башне в длину семнатцать сажен, поперег три сажени без чети, ... [стена] толщиной полтретьи сажени; от тѣх же пятницких ворот до каменной глухой башни каменной стены выведено в длину тритцать сажен с полусаженью, поперег стены три сажени, в высоту сажен с четвертью; осыпалось по обѣ стороны по полусажени, а инде и по сажени.

Башня каменная, глухая, поперег десять сажен с четвертью, а в длину тож, в высоту полторы сажени; своды целы; осыпалось кругом по четверти сажени, а инде и по полусажени; внутри в башне в длину шесть сажен, поперег четыре сажени; стены в толщину полторы сажени, а от той глухой башни до каменной же башни, что были благовѣщенские проѣзжие ворота, каменные стены възведено в длину дватцать девять сажен с четью, поперег стены три сажени, в высоту сажен с четью; осыпалось по обѣ стороны по полусажени, а инде и по сажени.

Башня каменная болшая, что были благовѣщенские проѣзжие ворота, а ныне закладены наглухо, поперег башни одиннатцать сажен, в длину дватцать сажен, в высоту четыре сажени, осыпалось кругом по чети сажени; в той-же башне внутри в длину семнатцать сажен попе-

рег три сажени; своды провалились, и ворота в город все провалились и стена осыпалась по обе стороны по сажени, а инде и болши; в толщину пол-третьи сажени, а инде и болши; а от той каменной до каменной-же глухой башни каменные стены възведено и ну тритцать сажен с четвертью, поперег стены три сажени, в высь сажень с четью; осыпалось по обе стороны по полусажени, а инде по сажени.

Башня каменная, глухая, поперег десять сажен с полусаженью, в высь девять сажен без чети, в вышину две сажени; своды осыпались внутри провалились немного; кругом башни осыпалось по четыре сажени, а инде и по полусажени и по сажени; внутри в башне в высь шесть сажен, поперег три сажени, в толщину полторы сажени; а с каменной глухой башни к наугольной каменной обуховской башне каменные стены в длину дватцать восемь сажен, поперег полчетверть сажени, в вышину полторы сажени; осыпалось по обе стороны по сажени и по полусажени, а инде и болши.

Башня каменная, наугольная, обуховская, круглая; кругом тое сажени мѣрою тритцать сажен, а в вышину три сажени, поперег по сажени девять сажен; осыпалось кругом по полусажени и по сажени и в своды провалились, с сторон провалилось-же в трех местех по сажени а внутри стены со всех сторон осыпались по полусажени; внутри в длину и поперег ровно пять сажен; а с наугольной башни, что к югу вологды, вверх по золотухе, до наугольной обуховской башни на той обуховской башне, и на каменных воротах, и на глухих башнях были вверху рубленые деревянные башни, а на том каменистом городу был рубленой деревянной город, и те деревянные башни город сгорел во 144-м году да во 149-м году.

От наугольной же башни, обуховской, мѣста, гдѣ была городовая стена а во 149-м году сгорела,—до глухой деревянной башни по мѣсту мѣста шестдесят восемь сажен.

Башня деревянная, глухая, рублена в шесть стен, полтретьи сажени в стене, кругом тое башни осмнатцать сажен, в вышину до обуховской пять сажен с четвертью; обламы рублены в семь рядов, до шатра с четвертью; на обламах, за городом, на трех стенах по два окна, на стене в город на обламах одно окошко; крыта башня шатер в вышину шесть сажен и в пожар половина кровли разломана. А от той глухой башни до борисоглебских деревянных проезжих ворот городовые деревянные стены целой покрыты пятдесят пять сажен с полусаженью; до кровли разломано на той городской стене в трех местех девять сажен с полусаженью; к борисоглебским же воротам городской деревянной стене разломано по мосту, а инде и ниже дватцать сем сажен.

Башня деревянная, проезжая, борисоглебская, на ней ворота рубленые кругом в шесть стен; стена по три сажени, кругом осмнатцать сажени в вышину до обламов пять сажен с четвертью; обламы рублены в семь рядов, вверх сажень без чети; на обламе, за городом, на трех стенах по три окна; на стене в город на обламах одно окно; вышина башни шесть сажен; от борисоглебских ворот к деревянной глухой влась

башне городовые деревянные стены целой покрыты тесом в длину восемьдесят сажен бес чети, поперег стены полтретьи сажени, в вышину и с обламами три сажени.

Башня деревянная власьевская, глухая, рублена в шесть стен,—стена по три сажени бес чети,—около мерою пятнадцать сажен, в вышину до обломов—три сажени с четью; обламы рублены в шесть стен,—мѣрою сажен бес чети,—на обламах на трех стенах по три окна, на стене в город, на обламах же, окно; крыта тесом; в вышину шатер пять сажен; от той власьевской башни к каменной наугольной пречистенской башни городской деревянной стены цело и покрыто в длину девяносто две сажени, в ширину города—полтретьи сажени, в вышину и с обламами—три сажени.

Башня каменная наугольная пречистенская, круглая; в вышину каменного дѣла три сажени, поперег девять сажен, около еѣ тритцать пять сажен; вверху деревянная ж рубленая круглая башня; по тое же каменной стене деревянного [дела] до обломов три сажени да обломов до кровли полтретьи сажени; верхъ покрыт тесом; на обламах двенадцать окон; шатер вверху девят сажен; от той наугольной башни до каменной же глухой башни стена каменная, в вышину с наугольною башнею ровно, три сажени; в длину той стены сорок пять сажен; на верху рублен город деревяной, мѣрою в вышину и с обламами, до кровли, полторы сажени; кровли нет.

Башня каменная, глухая, на четыре угла; поперег еѣ десять сажен, в длину тож; в вышину каменного дела три сажени; на верху рублена деревяная; мѣрою деревяной башни и с обламами до кровли в вышину две сажени; крыта тесом; шатер в вышину четыре сажени; от той башни каменной стена каменная к пятицкой башне, до порожжево мѣста сорок три сажени в длину, а в вышину три сажени, в толщину стена четыре сажени; вверху по тое каменной стенѣ рублено деревяного городу в длину тритцать три сажени, в вышину с обламами до кровли полторы сажени, а десять сажен на той каменной стене деревянной городовой стены от пожара разломано, и стена во многих мѣстех осыпалась в городе и за городом; от городской каменной и деревянной стены порожнее место,—гдѣ была городовая деревянная стена,—до башенного мѣста, гдѣ была прилуцкая глухая башня по мѣре восемьдесят восемь сажен; а тово башенново мѣста, гдѣ была прилуцкая башня, поперег пять сажен; а от тово башенного мѣста [порожжее городовое мѣсто до мѣста], гдѣ стояла башня против ильинсково монастыря,—по мере того городского мѣста в длину шестдесят сажен с полусаженью.

Башенного мѣста, гдѣ стояла „башня против ильинского монастыря“, поперег пять сажен; от тово башенного мѣста к ильинским проѣзжим воротам городского мѣста в длину до земляного города городского валу в длину дватцать одна сажень; к ильинским же воротам земляного валу в длину сорок сажен, поперег, вверху, на том валу четыре сажени, в вышину вал четыре жь сажени; место башенное, гдѣ были ильинские проезжие ворота, по мѣре того мѣста в длину пять сажен, поперег пять же сажен; а от тово башенново места, гдѣ были ильинские ворота, г башенному ж мѣсту, гдѣ была наугольная свирловая (?)

ним пространством башни и толщиной стен. Возможно, конечно, что внутреннее пространство было чем нибудь сужено, но возможно, что тут играла роль и другая причина, о которой я скажу ниже.

Высота каменной стены в пролетах между башнями была также неодинаковой и колебалась в пределах от 0,87 до 3,72 саж. Наименьшей она была в пролете между глухой башней № 2 и Спасскими воротами. Стена наибольшей высоты (3,72 саж.), такой же, какой была Спасская башня, примыкала к этой башне с правой стороны, если идти из крепости, т. е. защищала правый фланг башни. Очевидно, обстрел укреплений ожидался более с правого фланга, т. к. левый фланг прикрывался р. Вологодой.

Толщина стены точно так же была неравномерной и колебалась от 1,74 саж. (в пролете между Пятницкой и Глухой № 4 башнями) до 3,92 саж. на том же участке, который примыкал к Спасской башне с правой стороны и был уже отмечен и наибольшей высотой.

Все подробности относительно размеров частей крепостной ограды можно видеть в приложенной мною копии описания крепости в сметной книге 1657 года.

Незначительная в общем и целом высота возведенной Грозным каменной крепостной ограды, по всей вероятности, постройкою незаключенной, не давала уверенности военным властям, что ограда эта является достаточной защитой в случае осады и штурма крепости. Поэтому на всем протяжении каменной крепостной стены по р. Золотухе были еще нарублены деревянные стены, которые сотная грамота называет тарасами, а на всех каменных башнях были еще нарублены деревянные башни.

Какой вышины была эта деревянная бревенчатая стена и деревянные башни, в сметной книге указаний нет, так как бывшие в 1636 и 1641 году пожары уничтожили эти деревянные надстройки. Однако, по тем данным, имеющимся в сметной книге, можно предполагать, что деревянная стена была различной высоты, именно, высота ее колебалась между 2—4 саженьями. По крайней мере, в одном месте сотной грамоты говорится, что тарасы¹⁾ были на стене нарублены в 20 венцов и больше, а в другом месте указывается, что 20 венцов равнялись 5 саженьям (т. е. около 4,3 саж. по современной нам мере).

По сотной грамоте тарасы на Благовещенской башне были по 8 венцов, т. е. около 1½ саж., а по стенам другой башни тарасы достигали 10 венцов и больше. Но это предположение может, конечно, быть только тогда быть основательным, если бревна, из которых были нарублены тарасы, были одинаковой толщины, чего мы, конечно, достоверно не знаем. Мы можем предположить также, что деревянная стена и деревянные башни, нарубленные на стене Грозного, были не меньше размером, чем тот деревянный город и башни, которые были нарублены на участке крепостной ограды, примыкающей к следующей дальше в описании Пречистенской башне. К счастью нашему, этот город и

¹⁾ Тараса—участок древне-русской городской дерев. стены, образованной 2 продольными и 2 поперечными бревенчатыми рублеными стенами. Протяжение тарасы 3—4 саж. Устраивались временные рубленые тарасы для прикрытия стен, ворот в каменных стенах или для образования ретраншементов. (Энциклопедия воен. и морск. наук сост. под гл. ред. ген.-лейтенанта Леера. Т. VII, стр. 437).

башни во времена составления сметной книги, т. е. в 1657 году, еще уцелели. Именно, в сметной книге говорится, что деревянная башня, нарубленная на Пречистенской, была следующих размеров: высота до обломов была 2,62 саж., обломы были 2,18 саж. высотой, а шатер был 7,87 саж. Значит, высота деревянной башни от ее основания до конца шатра равнялась 12,67 саж. К этой высоте нужно еще прибавить высоту каменной башни (2,62 саж.), на которой стояла деревянная. Таким образом, общая высота башни с обломами до шатра будет равна 7,42 саж., а с шатром—15,29 саж. Деревянный город, нарубленный на каменной стене, примыкающей к Пречистенской башне, был высотой в 1,3 саж. Такого же, вероятно, размера, если только не большего, были деревянные город и башни, нарубленные на стене Грозного, и крепостная ограда по р. Золотухе имела весьма внушительный для той эпохи, конечно, вид.

Перехожу теперь к следующему участку крепостной ограды, который примыкал к Обуховской башне и тянулся следуя направлению М. Октябрьской (б. М. Дворянской) улицы к Петроградской (б. Петербургской) улице. На всем этом участке стена и башни были исключительно деревянные. От Обуховской башни деревянная стена вела к глухой башне (№ 10), находившейся приблизительно против того места, где теперь стоит Власьевская церковь. От этой глухой башни деревянная стена шла до Борисоглебской башни, в которой были единственные на этой стороне крепостной ограды Борисоглебские проезжие ворота. Борисоглебская башня получила свое название, конечно, от церкви Бориса и Глеба, находившейся поблизости¹⁾.

От этих ворот деревянная же крепостная ограда тянулась до круглой наугольной каменной Пречистенской башни, прерываясь на своем пути только глухой Власьевской башней. Пречистенская башня находилась на мысу, в углу, образованном коленом крепостного рва, который здесь так же, как и крепостная ограда, почти под прямым углом, поворачивал к реке Вологде. Это место находится приблизительно около последнего дома по М. Октябрьской, если идти по ней от Винтеровского моста. Эта деревянная крепостная ограда, шедшая по линии М. Октябрьской (б. М. Дворянской) улицы, была вышиною вместе с обломами²⁾ 2,62 саж., т. е. была такой же высоты, как каменная стена между башнями Благовещенской и глухой № 8. Размеры ближайшей к Обуховской деревянной глухой башни № 10 были таковы: высота ее до обломов была 4,59 саж., обломы имели высоту 1,09 саж., а шатер 5,24 саж. Общая высота башни с шатром была следовательно 10,92 саж., а без шатра 5,68 саж. Сама башня была рублена в шесть стен так же, как и другие деревянные башни, т. е. представляла в сечении шестиугольник. Каждая стена башни имела протяжение 2,18 саж.,

¹⁾ Эта церковь в 1830 году была упразднена. Подробности об этом см. в сотной грамоте, изданной И. Н. Суворовым по списку А. Е. Мерцалова (соч. цит. выше, стр. 22, примечание).

²⁾ Обломом в XVII веке назывался бруствер на крепостных оградах, а до XVII века этот бруствер назывался заборолом. Заборолы стали устраивать с XI века из бревен и досок со шелями, позволявшими производить из-за них стрельбу (см. Энциклопед. Слов. Брокгауз и Эфр. слово „заборол“). До XI века брустверы не равнялись, и защитники крепости, появляясь на стене, были открыты для вражеских снарядов. При слове „заборол“ кто не вспомнит известного места в „Слове о полку Игореве“ о плаче Ярославны.

башня, земляново валу в длину шестнатцать сажен, поперег, вверху, четыре сажени, в вышину тож четыре сажени; место башенное, где была наугольная свирловая (?) башня поперег [пять сажен, а от] того свирловского башенного мѣста вниз по реке вологдѣ, до башенново ж мѣста, что была башня преображенская, городского мѣста в длину по мере пядесят две сажени; мѣсто башенное, что была башня преображенская, по мѣре того мѣста поперег пять сажен; а от тово башенного мѣста городского мѣста до соѣйских ворот, гдѣ была городовая стена, в длину пядесят шесть сажен; мѣсто, где была башня соѣйские проѣзжие ворота, по мѣре того мѣста пять сажен поперег. От тово башенного мѣста городского мѣста, где была городовая стена, до башенного ж мѣста, где стояла рожественская башня, в длину шестдесят восемь сажен; мѣсто башенное, что была рожественская башня, поперег того мѣста пять сажен; от тово башенного мѣста до соловецкого башенного мѣста, гдѣ стояла городовая стена, в длину шестдесят четыре сажени; мѣсто башенное, что была соловецкая башня, поперег того мѣста пять сажен; от тово башенново мѣста до вознесенских проѣзжих ворот городского мѣста, гдѣ стояла городовая стена, по мѣре в длину семдесят сажен; а от иль[ин]ской (?) наугольной башни до вознесенских проѣзжих ворот, вниз реки вологды, где стояла городовая стена, земляново валу в вышину сажень, поперег три сажени; мѣсто башенное, где были вознесенские проѣзжие ворота, поперег шесть сажен; от тово башенного мѣста до каменной наугольной башни городского мѣста, гдѣ была городовая стена, в длину сорок сем сажен. Около города вологды содну сторону река вологда, а з другую сторону река золотуха, а з двѣ стороны копан был ров и обрублен, а в рове чеснок огнил, и надолобы всѣ огнили и обвалились, а тайники прежние засыпались, а ныне их нѣтъ и не знать, а старые пушкарки сказали, что преж сево тайников не бывало; а колодези по двором мѣлкие, и в тѣх воды плохи“.

[Московский Архив б. Министерства Юстиции. Разрядный приказ. Книга Белогородского стола. № 37 (1656—1658). Стр. 300—312.]

Приложение № 2.

Огписка воеводы Милославского о подмыве Вологодской крепости.

„Государю царю и Великому Князю Алексею Михайловичу всеа Русии. Холопи твои Ларка Милославской, Дружинка Агарков челом бьют.

Преж, государь, сего, блаженныя памяти при Великом Государѣ царѣ и Великом Князѣ Иванѣ Васильевичѣ всеа Русии, город Вологда обложен каменной и подлѣ городовыя стѣны рѣка Золотуха, строено против городовой стѣны, и проѣзжих каменных ворот и башен, а той рѣки Золотухи берег крѣплен был против городовой стѣны и ворот и башен издали обрубами и сваями дубовыми; и преж сего и нынѣ тѣ обрубы и сваи огнили и развалилися; и в прошлом, государь, во 159 году и в нынѣшнем во 160 от вешные и от дождевые болшіе воды на рѣкѣ на Золотухѣ во многих мѣстѣх берег обрушился, и нынѣ

рѣка Золотуха течет подлѣ проѣзжих каменных ворот и башен близко, а против, государь, которых мѣст рѣки Золотухи берег обрушился, от Благовѣщенской башни с угла до проѣзжих Пятницких ворот долина восемьдесят четыре сажени, от Пятницких проѣзжих ворот до Никольских проѣзжих ворот восемьдесят шесть сажень, а поперег, государь, от Благовѣщенской башни до рѣки Золотухи поперег толко с сажень; а от Пятницких проѣзжих ворот до рѣки Золотухи толко сажени с двѣ; а от Никольских проѣзжих ворот до рѣки Золотухи сажень с пят и впредь, государь, толко той рѣки Золотухи берегу крѣпленных мест против прежнее не окрѣпить, и тѣм, государь, воротам и башнѣм впредь чают болшіе порухи, и о том, государь, нам, холопом твоим, что укажешь.

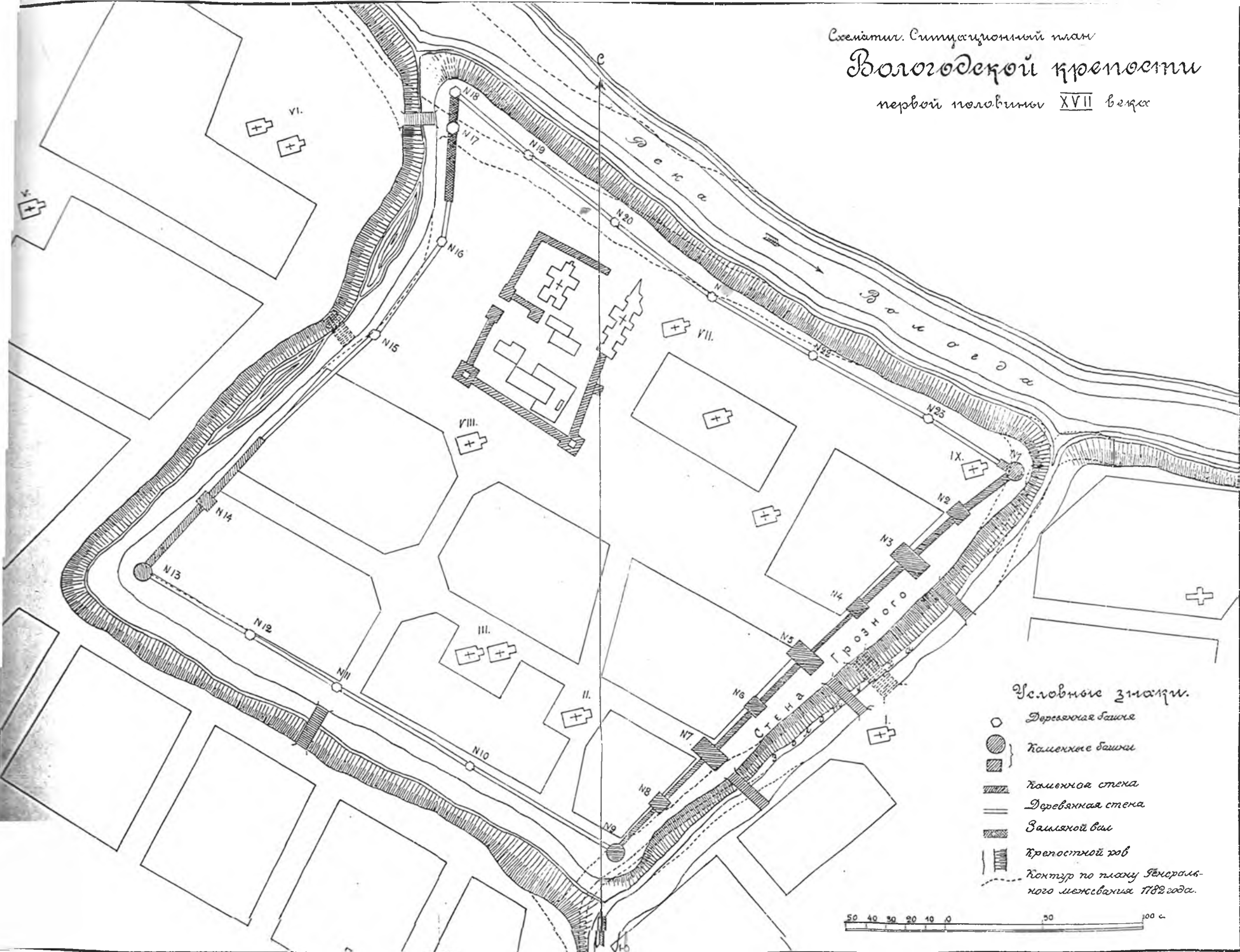
Помѣта: отписать, а велѣть на той рѣкѣ обрушенныя мѣста покрѣпить тѣми ж людьми, что прежь сего дѣлано, чтобы впредь болши того порухи не было.

[См. Чтения в Общ. Ист. и Др. Росс. при Моск. Унив. 1886 г. Апрель—Июнь. Книга вторая. V. Смесь. Из рукописей Е. В. Барсова, стр. 10—11].

От редакции.

Когда 1-й лист статьи был уже отпечатан, автором были обнаружены некоторые досадные описки в нумерации башен. Так, на стр. 14 в пятой строке сверху указан „№ 3“—следует „№ 4“; на той же стр. в 26-й строке напечатано „№ 5“—нужно „№ 6“; на стр. 16-й в седьмой снизу строке текста длина башни № 8 указано 8,75,—нужно 9,18 саж. Ссылка на работу И. В. Евдокимова на странице 8-й относится не к 3-му, а ко второму абзацу этой же страницы.

Схематич. ситуационный план
Вологодской крепости
первой половины XVII века

Условные знаки.

- Деревянная башня
- Каменная башня
- ▣ Каменная стена
- ▨ Деревянная стена
- ▧ Замковой выш
- ▩ Крепостной ров
- - - - - Контур по плану Генерального межевания 1782 года.

ПОЯСНЕНИЕ НУМЕРАЦИИ БАШЕН И ЦЕРКВЕЙ

1. Вознесенская.
2. Глухая.
3. Софийская (Никольские проездные ворота)
4. Глухая.
5. Пятницкая (Пятн. пр. ворота).
6. Глухая.
7. Благовещенская (Благов. пр. вор.).
8. Глухая. | 9. Обуховская.
10. Глухая.
11. Борисоглебская (Борисогл пр. ворота).
12. Власьевская.
13. Пречистенская [Свиблова (?), Пороховая (?)].
14. Глухая.
15. Прилуцкая. | 16. Башня против Ильинского мон.
17. Ильинская (Ильинские пр. вор.).
18. Свириловская (?). (Наугольная Ильинская).
19. Преображенская.
20. Софийская (Софийск. пр. вор.).
21. Рождественская.
22. Соловецкая.
23. Вознесенская (Вознесен. пр. вор.). | 1. Афанасьевская.
2. Благовещенская.
3. церкви Бориса и Глеба надвратная (теперь не существующие).
4. Владимирская. | 5. Константиновская.
6. Ильинская.
7. Николаевская на извести.
8. Пятницкая.
9. Вознесенская. |
|---|---|---|--|---|